

Право и государство в учении анархо-гуманизма Алексея Алексеевича Борового

Аннотация. В статье разбираются взгляды на государство и право одного из главных теоретиков русского анархизма начала XX в. — А. А. Борового. В первой части раскрываются парадигмальные основания формирования концепции анархо-гуманизма. При анализе содержания этого специфического учения акцентируется внимание на обращении Борового к категории нравственности, которая определяет конституцию личности, а также к моральной составляющей, с помощью которой Боровому, при всем присущем ему индивидуализме, удается отмежеваться от абсолютного «эгоизма». Во второй части статьи представлена критика А. А. Боровым «системы государственного устройства» и институциональных политических форм, преодолению которых, по мнению теоретика, может способствовать фактор технического прогресса. В статье также анализируется роль, суть и основания права в системе взглядов Борового, подчеркивается социально-психологическое правопонимание анархо-гуманизма, которое противопоставляется государственному легизму.

Ключевые слова: анархизм, право, индивидуализм, власть, государство, нравственность, революция, личность, мораль.

DOI: 10.17803/1994-1471.2018.86.1.017-025

Учение, провозгласившее основой своей этики утверждение, что цель не может противоречить средству, а средство — цели, т.е. анархизм «есть главным образом создание русских»¹, — резюмировал в начале XX в. Н. А. Бердяев.

Примечательно, что из всей плеяды отечественных гуманитарных мыслителей именно теоретикам анархизма удалось внести наиболее значительный и очевидный вклад в мировое

наследие политико-правовой мысли. При всем предельно широком и жестком доминировании государства в российской общественной жизни ему всегда противостояло глубокое отрицание принудительности традиционного порядка, приобретающее форму как практических выступлений, так и серьезного теоретического осмысления несправедливости политической централизации, увенчавшегося в итоге различными концепциями анархизма².

¹ Бердяев Н. А. Русская идея. СПб., 2008. С. 182.

² Рябов П. В. Философия постклассического российского анархизма — terra-инкогнита // Преподаватель XXI век. 2009. № 3. С. 290.

© Быстров А. С., 2018

* Быстров Андрей Сергеевич, аспирант, ассистент кафедры теории и истории права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
bystrov.andrew@gmail.com
101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Несмотря на мировое научное признание русских анархистов, в отечественном академическом дискурсе редко выходят за пределы обсуждения классических уже трудов М. А. Бакунина, П. А. Кропоткина и в некоторых случаях Л. Н. Толстого, который в общественном сознании предстает главным образом как гений художественной литературы. Однако история теории анархизма не ограничивается упомянутыми классиками. Проблемы, поднятые в их сочинениях: принудительность позитивного права, насильственная природа государства, соотношение свободы, нравственности и справедливости как оснований, на которых должны строиться взаимоотношения людей, — до сих пор не получили своего однозначного решения и продолжают будоражить умы современных мыслителей³.

Эта традиция фундаментального противопоставления примата личности этатистскому сознанию получила развитие в трудах одного из главных представителей постклассического направления русского анархизма — Алексея Алексеевича Борового (1875—1935), философа, педагога, одаренного музыканта, историка и литературоведа, оказавшего большое влияние на развитие отечественной юриспруденции, экономики и социологии⁴. Более того, А. А. Боровому удалось переосмыслить саму матрицу анархизма, поставив в ее центр личность, свобода которой определяется преимущественно нравственным измерением.

Работы А. А. Борового охватывают широкий спектр тем: от определения психологических

оснований феномена власти, конвенциональных основ правообразования и попытки разрешения антиномии личность—общество до анализа проблем экономической науки, критики парламентаризма и истории личной свободы во Франции.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ АНАРХО-ГУМАНИЗМА

Наименование теории — анархо-гуманизм (так сам А. А. Боровой справедливо называл свои идеалы⁵) — не случайно, поскольку в центре этой концепции стоит индивид как составной элемент общества, нации, человечества. Анархизм, по мнению Борового, есть «философия пробудившегося человека», «центральной идеей» которой выступает «конечное освобождение человеческой личности»⁶. Освобождение это заключается в постепенном устранении всех общественных конструктов (или «социальных фетишей», как их именует сам Боровой), искусственно сковывающих свободное индивидуальное самоопределение.

Последнее непосредственно проистекает из нравственного закона⁷ — веления «того внутреннего божества, без которого нет человеческой природы и которое возвышает ее над всем остальным органическим и неорганическим миром»⁸. Суть его «в установлении гармонии между властными императивами своего “я” и внешними поступками, независимо от содержания определяющей их идеи»⁹. Отклонение

³ См.: *Артемов В. М.* Свобода и нравственность в русском классическом анархизме : автореф. дис. ... д-ра философ. наук. М., 1999.

⁴ *Рябов П. В.* Анархическая философия Алексея Борового (из истории русского бергсонизма) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2010. № 6. С. 23.

⁵ Глава 9 книги А. А. Борового «Анархизм» (1918) имеет соответствующее название — «Анархизм как общественный идеал (анархо-гуманизм)».

⁶ *Боровой А. А.* Общественные идеалы современного человечества. Либерализм. Социализм. Анархизм. М., 1906. С. 45.

⁷ Об этом речь идет в его работе «Революционное мирозерцание», которая изначально была представлена публике в виде лекции «Нравственность и целесообразность в политике» в аудитории Исторического музея в 1906 г.

⁸ *Боровой А. А.* Революционное мирозерцание. М., 1907. С. 9.

⁹ *Боровой А. А.* Революционное мирозерцание. С. 10.

от нравственного закона в угоду требованиям среды (партий, толпы, класса), даже в случае его целесообразности, уничтожает «единство и цельность личных стремлений» и «колеблет равновесие в его нравственной природе», а потому объявляется Боровым безнравственным. Сохранение гармонии, как мы увидим далее, требует определенной модификации оснований человеческого общежития.

Объявляя анархизм апофеозом личного начала, Боровой одновременно стремится дистанцироваться от абсолютного индивидуализма¹⁰: «анархизм есть также культ человека... но анархизм не делает из эмпирического “я” центра вселенной. И если абсолютный индивидуализм стремится утвердить только свободу данного конкретного “я”, анархизму дорога свобода всех “я”, дорога свобода человека вообще»¹¹. Между абсолютным индивидуализмом и анархизмом, по мнению Борового, есть базовое отличие, которое состоит в принципе ответственности, поскольку «второе — социальная деятельность, влекущая моральную ответственность»¹². Таким образом, анархизм не освобожден от моральных обязательств и связанных с ними вопросов. Поэтому справедливо осуждается «штирнеровский нигилистический индивидуализм с его абсолютистскими замашками», который приводит «к вырождению и самоотрицанию» анархической концепции.

Из предыдущих посылок очевидно, что вне общества поиск человеком свободы увенчаться не может: «Общественный процесс... есть процесс непрерывного самоосвобождения личности через прогрессирующую же общественность...» Но «анархизм строит свои утверждения

на новом понимании личности, предполагающем вечное и антагонистическое ее движение» (борьба с культурой за культуру). Боровой объявляет антиномию личности и общественности неразрешимой и не формулирует финальных программ ее преодоления. Именно этот риторический прием — отрицание необходимости построения каких-либо детализированных программных положений — Боровой использует для снятия подспудного противоречия, описываемого вопросом «оправдания общества» («Каким образом можно осуществить абсолютную свободу индивида, не прекращая общественной жизни?» — так формулирует этот вопрос Боровой)¹³.

Фактически, как утверждает прирожденный индивидуалист, из подобного признания антагонизма между личностью и обществом вечным и неразрешимым неизбежно вытекает отрицание возможности конечного общественного идеала. «Конструирование “конечных” идеалов, — пишет он, — антиномично духу анархизма. Анархизм — мирозерцание динамическое»¹⁴. Отчасти в этом проявляется бунтарская эстетика, заимствованная у анархистов XIX в.; отчасти это следствие романтизации самого мира политического, в которой у Борового проявляются мотивы, более известные по творчеству Э. Берштейна. Максима «цель — ничто, движение — все» Боровым представляется как необходимая в силу динамического характера, «вечного движения» анархизма, направленного на максимальное раскрепощение творческих сил человека; Бернштейн же схожие суждения о социализме оправдывал невозможностью обоснования последнего с позиций имеющегося социального знания.

¹⁰ Боровой был открыт к восприятию европейских политико-правовых трендов и серьезное влияние на него оказали работы европейских «эгоистов»: в своих воспоминаниях он утверждал, что его образ мысли «революционизировал» Ницше, который подготовил его «штирнерианство» (см.: Боровой А. А. Моя жизнь. Воспоминания. Гл. 7 : Как я стал анархистом // Человек. 2010. № 3. С. 137—153). Развивая далее свое оригинальное учение, в первую очередь его гуманистическую часть, он зафиксировал: «Штирнерианство — бесплодное блуждание в дебрях опустошенной личности, ницшеанство — скорбный клик героического пессимизма» (см.: Боровой А. А. Анархизм. М., 1918).

¹¹ Боровой А. А. Анархизм. М., 1918. С. 18.

¹² Указ. соч. С. 10.

¹³ Боровой А. А. Общественные идеалы современного человечества. С. 48.

¹⁴ Боровой А. А. Личность и общество в анархистском мировоззрении. П.-М., 1920. С. 41.

Обобщая, можно сказать, что анархо-гуманизм Борового базируется как на отрицании традиционных для коллективистских концепций сциентистского понимания анархизма и механистического материализма, так и на учении «эгоистов», признающих ценность только собственного «я»: интуитивизм, представление об анархизме как о вере¹⁵, акцент на роли и влиянии личности вплоть до признания в индивидуальном «начала, конца и смысла бытия», с вечным параллельным поиском баланса с интересами общественности — все это представляется на первый взгляд достаточно синкретическим соединением позиций Бакунина, Штирнера и Бергсона, однако такая разногласица нивелируется намеренным отказом в конструировании конкретной «позитивной программы» анархизма, которую может подсказать только сама жизнь.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УЧЕНИЯ А. А. БОРОВОГО

Отношение к такому социальному феномену, как государство, во многом предопределяется парадигмой динамического образа мыслей А. А. Борового. Он всесторонне подходит к определению его происхождения, указывая на широкий спектр факторов, где сплетаются и завоевание, и развитие общественной культуры, и солидаризация людей, формирующих сообщества нового типа. Следуя своим мировоззренческим установкам о перманентном человеческом движении к саморазвитию, Боровой признает историческую необходимость государственной организации, но указывает на потребность преодоления данной формы политического единства, поскольку государство с момента своего образования оперативно перевоплощается из вынужденного социального конструкта во

властную доминанту, стремящуюся захватить и подчинить все иные формы самореализации¹⁶. Свою обманчивую примордиальность оно получает благодаря тому, что на каком-то историческом отрезке государство начинает воспроизводить власть не дисциплинарно, а психологически. Она сначала презентуется как смысловая конструкция, а позже к такому воспроизводству заново подключаются сложные институциональные и нормативные системы (в какой-то степени это допущение анархизма Борового предвосхищает куда более поздние разработки Мишеля Фуко). В итоге современное государство он определяет главным противником человеческой личности, нарекая его, вслед за Ф. Ницше, «самым холодным чудовищем», «односторонней» и «агрессивной организацией классовых интересов»¹⁷. Особенно опасной кажется ему формула, наиболее часто используемая в оправдание существования государства — «общее благо»: «Нет того гнусного произвола, нет того тяжкого угнетения, которое бы не покрывалось широкой эластичной формулой общего блага. Под этим лозунгом самые разнообразные режимы проводили исключительные меры, чрезвычайные и военные суды и комиссии, административные ссылки, изгнания»¹⁸. Критикуя такие элементы современного ему государства, как репрессивная по своей природе судебная система и связанное с ней ангажированное «правосудие»¹⁹, Боровой указывает на их ограничивающую роль для свободного индивидуального самоопределения, которая фундируется понятием общего блага (нереализуемого в реальности вне анархических принципов), но на деле лишь сохраняет политическое господство государственного аппарата.

«В чем же заключается эта политическая борьба против государства? — задается риторическим вопросом А. А. Боровой в своем *opus magnum*. — Сведенная к ее истинным разме-

¹⁵ Несмотря на то что религиозное сознание всегда претило А. А. Боровому (он называл религиозность «высшей стадией личностного пассивизма»).

¹⁶ Боровой А. А. Анархизм. М., 2011. С. 136—137.

¹⁷ Боровой А. А. Моя жизнь. Воспоминания. С. 148.

¹⁸ Боровой А. А. Общественные идеалы современного человечества. С. 12.

¹⁹ РГАЛИ, ф. 1023, оп. 1, ед. хр. 87, л. 9—10.

рам — это борьба против демократии: парламентаризма и политических партий»²⁰.

Деконструкции представительного органа в трудах Борового уделяется особое место, поскольку именно парламентаризм воспринимается главной институциональной опорой современного ему государства. И в этом смысле парламент предстает особенно коварным врагом свободного общества, обладая освободительным ореолом (если и заслуженным, как пишет Боровой, то давно потускневшим и обветшалым), — именно он символизирует в глазах общества борьбу за свободу и является для него своеобразным «идолом театра»: парламент онтологически не имеет потенциала к выражению «народной воли», выдавая за нее лишь частные интересы небольшой группы наиболее сильных индивидов.

Обобщить критическую аргументацию А. А. Борового по отношению к парламентаризму²¹ можно следующим образом:

- а) классовая природа парламента: парламент представляет не народные интересы, а интересы отдельных групп и отдельных лиц (народный суверенитет — это фикция);
- б) тирания большинства: решения, получившие поддержку большинства, навязываются меньшинству против его воли;
- в) политическая зависимость парламента от правительства (исполнительной власти);
- г) несправедливая процедура выборов;
- д) непрофессиональный состав парламента.

Размышляя об альтернативных институтах политического волеизъявления, Боровой упоминает конвент и народное собрание, а также прямую демократию, которая увеличивает шансы на практическое воплощение пропорционально технологическому развитию человеческой цивилизации.

Именно поэтому ключевую роль в деле достижения человеком «абсолютной свободы» от государственных пут может сыграть технический прогресс, тем более что «...все внешние органи-

зации, загромождающие наш мир... создаются исключительно в хозяйственных целях»²².

С одной стороны, чисто хозяйственный характер организаций и ограничивающих личностей институтов приводит к отрицанию потребности в их главенствующей политической роли. Хозяйственные организации не могут и не должны иметь политического звучания, если их не подталкивают к этому классовые или элитно-групповые интересы; в последнем случае такой вес институтов должен быть ограничен и возвращен к «естественному» образцу. В этой связи приговор, вынесенный Боровым в отношении парламентаризма, выглядит предельно логичным.

С другой стороны, признание технического прогресса в качестве ключевого фактора «освобождения» человека до сих пор встречается и у мыслителей, весьма далеких от анархизма. Об этом неоднократно писали сторонники демократии и плюрализма (от Р. Даля до Т. Фридмана), в специфическом ключе прорабатывали вопрос представители Франкфуртской школы, а в 2000 г. вышла работа «Империя» М. Хардта и А. Негри, где особо подчеркивалась именно роль развития технологий в искоренении системы глобальной власти, столь актуальной для современного человека. Действительно, в наиболее типичном на сегодня представлении технический прогресс как минимум расширяет свободы индивида: во-первых, высвобождая для него время, которое он может тратить не на выживание, а на совершенствование себя и собственной общественной роли, а во-вторых, позволяя ему становиться все более активным участником политического процесса за счет более развитых средств (горизонтальной) коммуникации.

При этом, указывает Боровой, «царству абсолютной хозяйственной независимости человека, а следовательно, его полной эмансипации должен предшествовать социалистический строй»²³. Как нельзя было «перескочить либе-

²⁰ Боровой А. А. Анархизм. М., 2011. С. 82.

²¹ Боровой А. А. Революционное творчество и парламент (революционный синдикализм). М., 1917.

²² Боровой А. А. Анархизм. М., 2011. С. 34.

²³ Боровой А. А. Общественные идеалы современного человечества. С. 55.

рализм и буржуазные формы хозяйства», так и в последующем движении общества к анархизму нельзя обойтись без этапа социалистических преобразований, многие из которых будут непременно элементами фундамента общества будущего. «Всякий последовательный анархист, — продолжал Боровой, — должен не бороться против надвигающегося социалистического строя, а, наоборот, жаждать его приближения, ускорить его наступление, чтобы затем биться с ним в последней борьбе»²⁴. Очевидным образом в данной формационной посылке прослеживается влияние марксизма, которым Боровой был буквально одержим в юные годы.

Но если государству и его институциональному каркасу Боровой выносит недвусмысленный вердикт, то по поводу такого феномена социальной жизни, как право, теоретик анархизма формулирует более комплексную позицию. Если рассматривать его правопонимание через устоявшуюся систему классификаций правовых школ, то можно отметить близость социально-психологическому направлению, представленному такими известными правоведами, как Н. М. Коркунов, Л. И. Петражицкий, М. А. Рейснер, А. С. Яценко.

«...Жизнь сильнее писанного права... право есть прежде всего факт социальный и... образование права есть не процесс юридический, а процесс социальный», а его суть заключается не «в канцелярских бумагах, а в сознании людей», — заявляет Боровой²⁵.

Критикуя «право», выраженное в принудительно спускаемом государственной силой «буржуазном законодательстве», анархический проект Борового, очевидно, не предполагает абсолютного избавления от социальных регуляторов общественных отношений: проблема

может заключаться лишь в тех основаниях, на которых они должны быть устроены.

«Да, именно на почве стремления государства поглотить личность, сковать ее волю и акты своими санкциями вырастает бунт анархизма, — пишет Боровой и тут же уточняет: — Мы не знаем ни одного человеческого общества (задолго до образования государств), которое бы не было известным правопорядком. Совместная жизнь требует известных правил, но правила эти могут быть различны»²⁶.

А. А. Боровой указывает на необходимость социального регулирования со стороны индивидов, свободных в своем принятии решений от действий принудительного аппарата государства. «Анархизм — не мечтательный, но действительный, стремящийся дать живой, реальный выход бунтующему против насилия человеческому духу, — пишет Алексей Алексеевич, — не должен говорить о фикциях, например, об “абсолютной”, никем и ничем “не ограниченной” свободе, отсутствии долга, совершенной безответственности и пр.»²⁷. Выходом из этого мнимого противоречия становится установление не принудительных, а конвенциональных, пользующихся общей поддержкой и легитимностью правил²⁸: «Ни по духу, ни по форме оно не будет походить ни на законодательство современного буржуазного государства, ни на “декреты” социалистической диктатуры. Это “право” не будет вдохновляться идеей растворения личности в целом, <...> не будет изливаться благодетельным потоком сверху <...>. Оно будет органическим порождением беспокойного духа, почувствовавшего в себе силу творца и жаждущего своим творческим актом выразить искания свои в реальных, доступных человечеству формах»²⁹.

²⁴ Боровой А. А. Общественные идеалы современного человечества. С. 60.

²⁵ Боровой А. А. История личной свободы во Франции : Ответ рецензентам Моск. ун-та проф. Тарасову и проф. Елистратову. М., 1911. С. 10.

²⁶ Боровой А. А. Анархизм. М., 2011. С. 140.

²⁷ Указ. соч. С. 146

²⁸ Которые не обязательно имеют позитивное воплощение.

²⁹ Боровой А. А. Анархизм. М., 2011. С. 146.

³⁰ Очевидное подтверждение неразрешимости главной антиномии в учении А. А. Борового личности и общества.

Отметим, однако, что в условиях общественного союза не удастся полностью избежать «понуждения», пусть и косвенного, даже в случае торжества «анархического права»³⁰, поскольку последнее находится в сознании индивида и утверждается в большинстве случаев его «молчаливым согласием». Логическим выходом из ситуации в случае противоречия таких правил с индивидуальными представлениями является выход лица из союза, но практически, уточняет Боровой, уйти может быть просто некуда — в этом случае личность должна пойти на некоторые самоограничения³¹.

Но именно такое неписаное право, покоящееся на коллективной вере, коллективно выработанным убеждении «в справедливости притязаний как личности, так и общественного класса на полный продукт их творчеств», должно быть устроено согласно анархическому, внесударственному началу общественного согласия³².

В условиях непрекращающихся дискуссий о пределах вмешательства государства в общественную нормативную сферу, об основах, на которых должно базироваться право, и о его соотношении с другими социальными регуляторами серьезной задачей становится изучение политико-философских школ, поставивших в центр своего учения человека и его нравственное и культурное развитие. Тем удивительнее, что по сей день без достаточного внимания остается анархизм, и в особенности его отечественные представители, незаслуженно обой-

денные вниманием академической среды, такие как А. А. Боровой.

Встроить его концепцию в классические рамки не представляется возможным. Творчество его в значительной степени самобытно и является оригинальной интерпретацией целого ряда анархистских посылок. В своем учении он соединил романтически-индивидуалистические настроения и смелые политико-правовые практики, отличающие его взгляды от взглядов и Кропоткина, и Бакунина. Указав на вечные человеческие антиномии и психологическую основу природы социальных отношений, Боровой уделил особое внимание техническому прогрессу как фактору, способствующему освобождению человеческой личности. Последнее, по его мнению, невозможно в условиях государственного устройства, имеющего свою главную опору в парламентском институте. Гуманистические устремления А. А. Борового определяют и его отношение к праву, которое должно базироваться на конвенциональной основе. Правопонимание, апеллирующее к человеческому сознанию, трансформация общественных ценностей и становление новых форм ассоциативной самоорганизации также представляются злободневными вопросами с позиций современного политического и законодательного регулирования. Данные наблюдения позволили А. А. Боровому обозначить новые горизонты развития антиэтатистской мысли и выступить в качестве яркого представителя альтернативных веяний анархизма.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Артемьев В. М.* Свобода и нравственность в русском классическом анархизме : автореф. дис. ... д-ра философ. наук. — М., 1999. — 45 с.
2. *Бердяев Н. А.* Русская идея. — СПб. : Азбука-классика, 2008. — 320 с.
3. *Боровой А. А.* Анархизм. — М. : Либроком, 2011. — 169 с.
4. *Боровой А. А.* Личность и общество в анархистском мировоззрении. — П.-М. : Голос труда, 1920. — 104 с.
5. *Боровой А. А.* Моя жизнь. Воспоминания. Гл. 7 : Как я стал анархистом // Человек. — 2010. — № 3. — С. 137—153.

³¹ *Боровой А. А.* Анархизм. М., 2011. С. 140—141.

³² *Боровой А. А.* Революционное творчество и парламент. С. 82.

6. Боровой А. А. Общественные идеалы современного человечества. Либерализм. Социализм. Анархизм. — М. : Идея, 1906. — 94 с.
7. Боровой А. А. Революционное мирозерцание. — М. : Логос, 1907. — 86 с.
8. Боровой А. А. Революционное творчество и парламент (революционный синдикализм). — 2-е изд. — М. : Союз труда, 1917. — 84 с.
9. История личной свободы во Франции : Ответ рецензентам Моск. ун-та проф. Тарасову и проф. Елистратову. — М. : Типо-лит. Ю. Венер, 1911. — 54 с.
10. Рябов П. В. Анархическая философия Алексея Борового (из истории русского бергсонизма) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. — 2010. — № 6. — С. 24—23.
11. Рябов П. В. Философия постклассического российского анархизма — terra incognita // Преподаватель XXI век. — 2009. — № 3. — С. 289—298.
12. Ударцев С. Ф. Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1992. — 498 с.

Материал поступил в редакцию 27 апреля 2017 г.

LAW AND THE STATE IN ALEKSEY A. BOROVVOY DOCTRINE OF ANARCHO-HUMANISM

BYSTROV Andrey Sergeevich – Postgraduate Student, Teaching Assistant of the Department of the Theory and History of Law of the Faculty of Law at the National Research University “Higher School of Economics”

bystrov.andrew@gmail.com

101000, Russia, Moscow, ul. Myasnitskaya, d. 20

Abstract. *The article considers the views concerning the State and Law expressed by Aleksey A. Borovoy, one of the theorists of Russian anarchism in the early 21st century. The first part of the paper highlights paradigmatic foundations of anarcho-humanism. When analyzing the content of this specific doctrine, the author emphasizes Borovoy's concern for the category of morality, which defines the constitution of the personality, as well as for the moral component using which Borovoy, with all individualism inherent in him, manages to dissociate himself from absolute “egoism.” The second part of the article is devoted to the criticism of the “system of government” and institutional political forms getting rid of which, in the theorist's view, can be predetermined by technological progress. Also, the article analyzes the role, essence and foundations of law in Borovoy's system of views – it underlines the socio-psychological legal understanding of anarcho-humanism that is opposed to the state legalism.*

Keywords: *anarchism, law, individualism, power, state, morality, revolution, personality, ethics.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Artemov V. M. Svoboda i npravstvennost' v russkom klassicheskom anarhizme : avtoref. dis. ... d-ra filosof. nauk. — М., 1999. — 45 s.
2. Berdjaev N. A. Russkaja ideja. — SPb. : Azbuka-klassika, 2008. — 320 s.
3. Borovoj A. A. Anarhizm. — М. : Librokom, 2011. — 169 s.
4. Borovoj A. A. Lichnost' i obshhestvo v anarhistском mirovozzrenii. — P.-M. : Golos truda, 1920. — 104 s.
5. Borovoj A. A. Moja zhizn'. Vospominanija. Gl. 7 : Kak ja stal anarhistom // Chelovek. — 2010. — № 3. — S. 137—153.

6. *Borovoj A. A. Obshhestvennye idealy sovremennogo chelovechestva. Liberalizm. Socializm. Anarhizm.* — М. : Ideja, 1906. — 94 s.
7. *Borovoj A. A. Revoljucionnoe mirosozercanie.* — М. : Logos, 1907. — 86 s.
8. *Borovoj A. A. Revoljucionnoe tvorcestvo i parlament (revoljucionnyj sindikalizm).* — 2-e izd. — М. : Sojuz truda, 1917. — 84 s.
9. *Istorija lichnoj svobody vo Francii : Otvet recenzentam Mosk. un-ta prof. Tarasovu i prof. Elistratovu.* — М. : Tipo-lit. Ju. Vener, 1911. — 54 s.
10. *Rjabov P. V. Anarhicheskaja filosofija Alekseja Borovogo (iz istorii russkogo bergsonianstva) // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta.* — 2010. — № 6. — S. 24—23.
11. *Rjabov P. V. Filosofija postklassicheskogo rossijskogo anarhizma — terra incognita // Prepodavatel' XXI Vek.* — 2009. — № 3. — S. 289—298.
12. *Udarcev S. F. Politicheskaja i pravovaja teorija anarhizma v Rossii: istorija i sovremennost' : dis. ... d-ra jurid. nauk.* — М., 1992. — 498 s.